

ББК 83.3(2)
УДК 82.0

А. С. Полозкова
A. Polozkova
г. Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы
Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno

**КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ В РОМАНАХ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» И Н. С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ»
COMMUNICATION BETWEEN THE AUTHOR AND THE READER IN
THE NOVELS OF F. DOSTOEVSKY “DEMONS” AND N. LESKOV “AT
KNIVES”**

Аннотация: Статья посвящена исследованию механизмов авторско-читательской коммуникации в романах Ф. М. Достоевского «Бесы» и Н. С. Лескова «На ножках» в контексте социально-исторических и идеологических преобразований второй половины XIX века. Особое внимание уделяется риторическим стратегиям, повествовательным структурам и коммуникативным моделям, определяющим взаимодействие автора и читателя. Рассматриваются особенности полифонии в прозе Достоевского, позволяющей вовлекать читателя в активный диалог, и дидактической монологичности Лескова, формирующей морально-нравственную направленность художественного текста. Анализ подчеркивает различия в авторских интенциях, связанных с восприятием нигилизма, и выявляет специфику коммуникативной установки каждого писателя.

Ключевые слова: Достоевский; Лесков; авторско-читательская коммуникация; нигилизм; полифония; дидактизм; повествовательные стратегии.

Abstract: The article is devoted to the study of the mechanisms of author-reader communication in the novels “Demons” by F. Dostoevsky and “At knives” by N. Leskov in the context of socio-historical and ideological transformations of the second half of the 19th century. Particular attention is paid to rhetorical strategies, narrative structures and communicative models that determine the interaction between the author and the reader. The article examines the features of polyphony in Dostoevsky's prose, which allows the reader to be involved in an active dialogue, and Leskov's didactic monologue, which forms the moral and ethical orientation of the literary text. The analysis emphasizes the differences in the author's intentions associated with the perception of nihilism and reveals the specifics of the communicative attitude of each writer.

Keywords: Dostoevsky; Leskov; author-reader communication; nihilism; polyphony; didacticism; narrative strategies.

Современное литературоведение уделяет значительное внимание проблеме взаимодействия автора и читателя, рассматривая литературный текст не только как автономное художественное явление, но и как коммуникативный акт, в котором особую роль играет авторская стратегия [4]. В этом контексте изучение

механизмов авторско-читательской коммуникации в произведениях Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова приобретает особую значимость. Эти писатели создавали свои романы в период глубоких общественных и идеологических трансформаций, что не могло не отразиться на их повествовательных стратегиях и риторических приемах.

Развитие литературной коммуникации во второй половине XIX века неразрывно связано с общественными, культурными и политическими процессами, происходившими в России. После реформы 1861 года страна вступила в период активных общественных преобразований, сопровождавшихся кризисом традиционной системы ценностей. Одним из ключевых явлений стало распространение нигилизма – радикального отрицания религиозных, нравственных и общественных норм. Термин «нигилизм», популяризированный И. С. Тургеневым в романе «Отцы и дети» (1862), приобрел политическое значение и стал ассоциироваться с революционными движениями.

Роман Достоевского «Бесы» представляет собой сложное произведение, в котором авторская стратегия выстраивается через многоголосие, использование рассказчика как посредника между миром автора и миром героев, а также различных риторических приемов.

Так, одной из важнейших характеристик «Бесов» является полифония, описанная М. М. Бахтиным в книге «Проблемы поэтики Достоевского» [1]. В «Бесах» представлены многочисленные дискуссии, в которых сталкиваются различные мировоззренческие и идеологические позиции, при этом Достоевский наделяет своих героев убедительной аргументацией. Так, например, размышления Кириллова представляют собой не просто парадоксальную апологию самоубийства, а последовательное философское обоснование идеи «человека-бога». Кириллов утверждает: «Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог» [2, с. 115]. В его рассуждениях содержится радикальная концепция свободы: он верит, что человек, отвергнув идею высшей власти, может утвердить абсолютную автономию. Достоевский не разрушает эту аргументацию в тексте напрямую, тем самым вовлекая читателя в этот полемический процесс и побуждая его самостоятельно оценивать позиции героев. Такая же диалогическая установка характерна и для отношения Достоевского к позициям других персонажей.

Специфика повествователя в романе заключается в его неопределенном статусе. Он предстает как свидетель, близкий к героям, но не вовлеченный в события напрямую. Это «частное лицо», горожанин, фиксирующий происходящее с определенной дистанции. Его восприятие ограничено, он не обладает всеведением, так как не может предложить читателю исчерпывающую интерпретацию происходящего, что усиливает эффект многоголосия. В речи рассказчика заметны моменты субъективного отношения. Например, в сцене диалога с Кирилловым рассказчик не просто передает слова Алексея Нилыча, но и активно участвует в диалоге, задает вопросы, проявляет личную реакцию: «Человек смерти боится, потому что жизнь любит, вот как я понимаю, – заметил я, – и так природа велела» [2, с. 115].

В то же время для взаимодействия автора и читателя характерна ирония и пародия. Достоевский сатирически изображает революционные кружки, показывая их внутреннюю нелепость и утопичность, что дало основание исследователям считать роман антинигилистическим [5]. Так, например, сцена собрания у Виргинского выстроена как гротеск, в котором нигилизм доведен до крайней формы. Формально перед читателем разворачивается обсуждение будущего устройства общества, но фактически это собрание превращается в фарс, где все участники, вместо конструктивного диалога, демонстрируют либо фанатизм, либо растерянность. Важное место в дискуссии занимает выступление Шигалева, который излагает свою концепцию социального переустройства. Его теория, доведенная до крайности, приводит к парадоксальному выводу: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [2, с. 311]. Это утверждение становится кульминацией нигилистической мысли в романе, показывая, что любые утопические идеи, доведенные до предела, оборачиваются своей противоположностью. Собрание, формально предназначенное для обсуждения будущего освобождения, на деле лишь демонстрирует, что свобода в понимании нигилистов является иллюзией.

Роман Н. С. Лескова «На ножах» построен в традициях реалистической прозы XIX века. В произведении Лескова рассказ ведется от третьего лица, причём повествователь наделён чертами всезнающего наблюдателя. Такая повествовательная стратегия обеспечивает высокий уровень авторского контроля над читательским восприятием текста и сближает с традицией реалистического романа с ярко выраженной дидактической функцией. В таком произведении читатель является и собеседником, и воспитуемым.

Антинигилистическая направленность романа Лескова выражена отчетливо. Лесков изображает нигилистов как людей, отрицающих общепринятые моральные ценности и нравственные принципы и готовых на все ради достижения своих целей. Это проявляется в их поведении, мировоззрении и действиях, которые Лесков представляет как аморальные и безжалостные. Так, Павел Горданов, один из нигилистов, изображенных Лесковым, считает нужным «прежде всего обобрать общество, а потом его уничтожить» [3, с. 84], а нигистка Глафира Бодростина планирует убить своего мужа, чтобы получить большое наследство.

Писатель утверждает, что последователи нигилизма примкнули к этому движению не потому, что были приверженцами идеологии, а потому, что это было модно, то есть сами нигилисты не верили в принципы своего движения. Как следствие, нигилизм, согласно Лескову, не представляет собой какую-либо идеологию. Так, большая часть нигилистов предаёт один из главных своих принципов – безбрачие. Девушки понимают, что можно выгодно выйти замуж и не нуждаться в деньгах: «скоро, казалось, не останется во внебрачном состоянии никого из неприемлющих браков» [6, с. 86]. Каждая вступает в брак только ради своей выгоды, а не ради «общего дела».

Персонажи-нигилисты изображаются как нравственно несостоятельные, внутренне незрелые, часто карикатурные фигуры, неспособные даже на следование своей идеологии. Так, например, изначально Павел Горданов вступил

в студенческую партию (которой руководил Иосаф Висленев) ради положения в обществе. Сам Горданов считал, что «базаровский» нигилизм непрактичен, но понимал, что «из бреда, которым были полны пред тем временем отуманенные головы, можно при самой небольшой ловкости извлекать для себя громадную пользу» [3, с. 83]. Нельзя не заметить, что в аргументах нигилистов в лесковском романе доминирует критерий выгоды, который, с одной стороны, выступает как авторское снижение популярного в демократической среде позитивистского критерия пользы; с другой стороны, выступает как часть антитезы тело – дух, где именно духовное служение сопряжено с бескорыстием, что для читателя было приоритетным.

Повествование выстраивается таким образом, чтобы противопоставить нигилистическое мышление и традиционные нравственные ориентиры, носителями которых в романе являются Александра Синтянина, Лара Висленева, Андрей Подозеров. Именно эти персонажи противостоят «темным силам», то есть нигилистам, в романе.

Лесков стремится не просто рассказать историю, но и научить, наставить, предупредить. Эта дидактическая функция реализуется через прямолинейное противопоставление героев, карикатурное изображение отрицательных типов, прямую авторскую речь, а также через апелляцию к общечеловеческим и религиозным ценностям. Такие элементы художественной дидактики формируют устойчивый этический ориентир, который становится основой коммуникации между автором и читателем.

Дидактизм Лескова не подавляет художественную природу текста, а, напротив, органично вплетается в его повествовательную ткань, создавая целостную коммуникативную модель, в которой автор и читатель соединяются в общем нравственном поле. Таким образом, «На ножах» можно рассматривать как роман-проповедь, где художественное слово становится формой этического воздействия.

Романы Ф. М. Достоевского «Бесы» и Н. С. Лескова «На ножах» представляют собой два разных типа авторско-читательской коммуникации, обусловленных как индивидуальными стилями писателей, так и их мировоззренческими установками. В обоих случаях автор выступает активным субъектом диалога с читателем, однако формы этого диалога различаются. Достоевский использует форму полифонического романа, где авторская позиция распределяется между персонажами, и значительная часть коммуникации осуществляется через напряжённые идеологические конфликты. Лесков, напротив, придерживается монологической модели, где автор транслирует свои идеи напрямую, используя всезнающего рассказчика, дидактическую риторику и сатирическое изображение оппонентов.

В «Бесах» читатель становится свидетелем борьбы идей, тогда как в «На ножах» – адресатом моральной проповеди. Тем самым, Достоевский вовлекает читателя в процесс соразмышления, а Лесков – в процесс восприятия готовой авторской оценки.

И в «Бесах», и в «На ножах» важную роль в авторско-читательской коммуникации играют сатирические элементы, гротеск и полемика, однако их функ-

ции различны. Если у Достоевского сатира способствует диалогизации повествования, многозначности, то у Лескова она служит усилению авторской позиции и воздействию на читательскую моральную оценку.

Таким образом, анализ романов «Бесы» и «На ножах» показывает, что модели коммуникации между автором и читателем в них принципиально различны. Достоевский строит диалогическую модель, в которой читатель становится участником духовного поиска, сталкиваясь с непростыми вопросами и нравственным выбором. Лесков же использует монологическую модель, где читатель оказывается в позиции пассивно воспринимающего предложенную автором систему ценностей.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 5-е изд. – М. : Советская Россия, 1979. – 318 с.
2. Достоевский, Ф. М. Бесы : роман / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 704 с. – (Мировая классика).
3. Лесков, Н. С. На ножах : роман : в 6 ч. / Н. С. Лесков ; подг. текста, вступ. ст., примеч. А. А. Шелаевой. – М. : Русская книга, 1994. – 464 с.
4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
5. Сорокин, Ю. С. Антинигилистический роман / Ю. С. Сорокин // История русского романа. Т. 2. – М. ; Л. : Академия наук СССР, 1964.